

Шинель и вождь

Что происходит с новыми памятниками Сталину.
Рецензия на попытки возрождения монументальной пропаганды

Фото: Дмитрий Ягодкин / ТАСС

18:10, 28 октября 2024,

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Сталинская тема из литературы и искусства никогда не уходила, а сейчас вернулась вновь, сделав полный круг в колесе идеологии — от десакрализации и ироничного перекодирования канона в соц-арте до новой монументальной серьезности. За последние двадцать лет памятники Сталину в России стали появляться все чаще. Что несут в себе эти образы и ждет ли нас новый план монументальной пропаганды — рассказывает Татьяна Сохарева.

Бросается в глаза вот что:

- **это пока не тренд для крупных городов, зато в провинции появляется все больше голов, бюстов и френчей;**
- **Сталина избавляют от советской символики — исчезли серпа с молотами, звезды и пионеры**
- **Сталин перестает быть мемом и более не является персонажем двусмысленных визуальных высказываний**
- **до монументализма пока не дошли**
- **суровость и минималистичность, присущая военному времени, — в приоритете, как и решительность образа**
- **потребовался образ победителя и символа военной мощи, поэтому Сталина фактически отправили на фронт — он постоянно в военной форме, но (пока) без автомата**
- **о художественных достоинствах говорить не приходится**

Фото: Юрий Смитюк / ТАСС

Когда антрополог Алексей Юрчак озаглавил свою книгу о последнем советском поколении «Это было навсегда, пока не кончилось», предложенная им формула многим показалась емкой и универсальной: она затрагивала системообразующие пласты коллективного подсознания советской эпохи. Однако довольно быстро стало очевидно, что советский миф никуда не делся, а лишь на время ушел на более глубокие уровни, пока его не воскресили в связи с новыми идеологическими целями.

Тем не менее, несмотря на громкие заголовки и данные соцопросов, которые твердят, что образ Сталина возвращается и воспринимается новыми поколениями с небывалым ранее энтузиазмом, поддаваться этой медиаистерике едва ли целесообразно. Коллективная память — штука пластичная, но далеко не такая податливая, как хотелось бы провластным функционерам. Политическое наследие сталинизма тоже на самом деле мало кого по-настоящему интересует, потому что символической ценностью наделен лишь определенный

иконографический тип — тип воителя, победителя фашизма. А таким мы не видели Сталина уже много лет.

Еще в советское время, после развенчания культа личности, иконографический образ Ленина и Сталина, эдакого сакрального чудища о двух головах, начал распадаться.

Хотя еще несколько лет после 1953 года монументальная политика шла по накатанной: запланированные еще при жизни Сталина памятники возводились и почитались с тем же пафосом, что и прежде. Скажем, в 1955 году в Праге воздвигли монумент, который стал крупнейшей статуей вождя за пределами СССР. Правда, простоял он недолго — до 1962 года.

Фото: Дмитрий Ягодкин / ТАСС

Позже лениниана пережила свой романтический период (на идеологическом уровне — в виде возвращения к ленинским заветам, на художественном — на уровне демократизации образа, как это происходит, например, со знаменитой картиной Геннадия Мосина и Михаила Брусиловского «1918 год»), а «солнце советской Родины» Сталин временно отошел на второй план. В оттепель многие памятники демонтировали, в том числе пал гигантский истукан, стоявший раньше около Кремля. Более того, в андеграунде он низводится до состояния мема, порожденного официальной советской визуальной культурой. В частности, в работах Виталия Комара, Александра Меламида и Леонида Сокова его образ тиражируется, обрастает новыми бытовыми и поп-культурными деталями: Сталин красуется в обнимку с Мэрилин Монро, позирует с Микки Маусом и выпивает в кабаке.

Но, несмотря на смену политических ориентиров, на периферии многие монументы остались нетронутыми. И теперь, спустя более семидесяти лет, именно маленькие города и поселки становятся плацдармом для отработки новой монументальной политики.

До сих пор это были разовые акции: локальные коммунистические организации водружали своих «сталинов» то там, то здесь под вялое возмущение общественности. До сих пор это была дань ностальгии по СССР и попытка запустить механизмы переосмысления советской истории с точки зрения ее «героических страниц». Так, «сталины» появились в городе Лабинске Краснодарского края (2005), в Ростове-на-Дону (2007) и во Владикавказе (2020). За 24 года их накопилось несколько десятков. Почти все — установлены по инициативе КПРФ и под

соусом «память о великой победе». В крупных городах до реализации проектов доходит реже — слишком сильно сопротивление местных жителей и активистов. Да и масштаб памятников уже не тот: в основном это бюсты и небольшие монументы, которые не покидают территории офисов коммунистической партии или теряются на фоне более масштабных мемориальных комплексов.

Тем не менее ревизия советского наследия продолжает набирать обороты. Стилистически новые памятники наследуют образам времен эпохи сталинизма и представляют суровый и решительный образ вождя народов — может быть, более минималистичный, чем прежде. Хотя о каких-либо художественных достоинствах этих опусов говорить не приходится вовсе.

Фото: Алена Бжахова / ТАСС

После начала СВО просталинская риторика вновь усилилась:

внезапно потребовался образ победителя и символа военной мощи, который оттенил бы современную ситуацию. Так был запущен процесс инструментализации истории, особенно ее сталинского периода. Параллельно усилились тенденции к замалчиванию «трудного прошлого» и памяти о нем: с фасадов домов начали пропадать таблички проекта «Последний адрес» с данными о репрессированных жителях, из государственных музеев было изгнано все, что связано с «неудобными» историческими нарративами, травмами, репрессиями. Осталось только абсолютно нейтральное повествование на грани оправдания большого террора.

Сталина же теперь часто изображают в военной форме, чтобы избежать острых углов и рассказать лишь о его подвигах. Серпы, молоты, красные звезды — неотъемлемая часть советской иконографии — уходят в прошлое за ненадобностью. Современным пропагандистам важнее создать образ национального лидера, более лаконичный и не лишенный совсем уж человеческих черт. Однако про полномасштабное возвращение Сталина в публичное пространство говорить рано. Хотя мы и наблюдаем процесс архаизации культуры, это все еще семантически перенасыщенный образ, способный стать причиной множества общественных раздоров.

Татьяна Сохарева